

УЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

Введение к тематическому блоку

Влада Баранова

Влада Баранова, Северо-Восточный институт, Гамбургский университет, Германия. vladakharada@gmail.com.

Полномасштабное вторжение России в Украину в 2022 году оказало огромное влияние на разные стороны социальной жизни в самой России, но одним из самых заметных в медийном пространстве последствий стала массовая эмиграция россиян. Почему она привлекла такое внимание СМИ и исследователей – сразу несколько исследовательских групп работают над разными аспектами этой новой волны – и почему интересна авторам данного тематического блока и редакторам журнала «Laboratorium»?

Прежде всего, массовость и одновременность миграции привели к тому, что источники расходятся в ее количественных оценках. Одной из наиболее полных можно считать сводку по данным принимающих стран от издания «Если быть точным», показывающую, что численность уехавших в 2022 году россиян составляет примерно 800 000 человек (Ширманова 2023). Это в любом случае самый значительный миграционный отток из России за последние 20 лет (Тинчурин и др. 2021), даже если предположить, что часть людей вернутся в страну в ближайшее время или уже возвращаются.

Кроме того, эмиграция продолжается. Пики отъездов, заметные по росту цен на билеты и очередям на границах, пришлось на весну, а затем и осень 2022 года (после начала «частичной мобилизации»), однако эмиграция из страны имеет место также в 2023 году и, предположительно, будет продолжаться. Так, по данным «Левада-Центра» (2023), в начале 2023 года 11% россиян хотели бы переехать за границу. Хотя миграционные намерения еще не означают фактического переезда, а после объявления мобилизации уезжали и те, кто никогда не планировал переезд, можно отметить несколько моментов. Во-первых, 11% населения России – это весьма значительная часть, и следует учесть, что эмиграционные настроения выше среди молодых и образованных россиян. Во-вторых, показатель 2023 года в два раза ниже, чем в 2021 году (22%), то есть часть людей, в принципе обдумывавших эмиграцию, переехали в этот период или изменили свою точку зрения.

Кроме того, уезжавшие в 2022–2023 годах россияне наряду с более «освоенными» (Турция, Израиль, Сербия, США, страны Евросоюза) выбирали не самые привычные для них направления, прежде всего постсоветские страны – Казахстан, Армению, Грузию, Кыргызстан, Узбекистан. Даже после переезда российские мигранты в среднем имеют более высокий доход и уровень жизни, нежели граждане принимающих стран. Многие годы после распада СССР государства, оказавшиеся сейчас центрами притяжения новых мигрантов, были для России донорами трудовых ресурсов. Сами россияне не переезжали в эти страны, многие даже не

бывали в них, мало представляя себе уровень жизни, локальную культуру и важные события, в том числе драматические, связанные с вооруженными конфликтами. И, наоборот, представители сегодняшних принимающих сообществ следили за российскими событиями, часто бывали или работали в России, среди прочего сталкиваясь с ксенофобией и этнической дискриминацией, например, на рынке труда (Bessudnov and Shcherbak 2020). Опыт, связанный с постколониальным статусом государств, куда массово поехали россияне в 2022 году, влияет на положение мигрантов, вне зависимости от степени их собственной рефлексии: некоторые предпочитают абстрагироваться от местных жителей и не учитывают историю отношений между странами, тогда как для других такие контакты оказываются важным опытом, побуждающим искать новую деколониальную оптику.

Еще одна причина, по которой эмиграция находится в фокусе общественного внимания, – это состав мигрантов. Как показывают опросы, среди уехавших большое число высокообразованных людей, в том числе журналистов, преподавателей и ученых, IT-специалистов, людей творческих профессий и сотрудников НКО «Exodus-22», то есть тех, кому свойственно осмыслять свой опыт через производство текстов, от статей до блогов. Более того, немало среди них и людей с опытом гражданского или политического активизма, привыкших участвовать в общественной жизни в России (Kamalov et al. 2023). Наконец, среди мигрантов оказалось много известных людей, чья жизнь привлекает внимание как СМИ, так и социальных исследователей. Не случайно среди исследователей новой волны эмиграции преобладают сами новые эмигранты или русскоязычные представители академии предшествующих волн, и лишь единицы – слависты из западной академии или исследователи, работающие в России.

Все вышеописанное приводит к тому, что осмысление новой эмиграции сейчас во многом происходит в границах *native anthropology* со всеми известными по другим контекстам ограничениями и преимуществами, включая принцип «ничего о нас без нас». Для многих коллег, включая нашу исследовательскую группу «Exodus-22» (ранее – «After24»), эти проекты начинались не как обычная академическая работа, а как волонтерские инициативы «независимых исследовательниц», позволяющие задействовать исследовательскую оптику для осознания нового опыта – собственной эмиграции, помощи украинским беженцам и мигрантам из России (эссе Евы Рапопорт, представленное в этом выпуске, во многом опирается на ее опыт работы в НКО «Ковчег»). Позиция исследователей внутри изучаемого сообщества отчасти предопределяет оптику, в том числе и в этом тематическом блоке. Очень важно, чтобы в дальнейшем она была дополнена рефлексиями представителей принимающего сообщества (эту работу начинает, например, Мариам Дарчиашвили в рамках проекта «Crossing Borders, Building Walls: Towards Ethnography of Russian War Mobilisation», проводимого под эгидой Института археологии и этнологии Польской академии наук¹), а также сравнительным анализом, позволяющим обнаружить сходства с другими срочными отъездами при из-

¹ <http://iaepan.edu.pl/crossing-borders-building-walls-towards-ethnography-of-russian-war-mobilisation-2/>.

менении политической ситуации в стране и уйти от восприятия российской эмиграции как уникальной.

Важно отметить, что эмиграция после вторжения России в Украину – не новое явление и похожа на предшествующие волны эмиграции россиян. Прежде всего, она продолжает политическую эмиграцию после 2012 года. Как отмечает Иоанна Фомина, этот «политический исход» включал студентов, гражданских активистов и профессионалов среднего класса (Fomina 2021:64). В то же время эмиграция 2022–2023 годов продолжает и глобальное распространение российских IT-специалистов, принявшее заметные масштабы уже несколько десятилетий назад (Biagioli and Léripau 2019). Эта профессиональная группа в целом наиболее мобильна: имеет возможность легко перемещаться между странами и включаться в международные коллективы, а также формирует прослойку цифровых кочевников – удаленных сотрудников, выбирающих для длительного пребывания недорогие и красивые места, обычно служащие направлениями отпускного туризма, а не миграции. Другие миграционные решения российских граждан в 2022–2023 годах укладываются в рамки этнических репатриаций. Здесь, прежде всего, заметна репатриация в Израиль, однако важная тенденция – это возвратная миграция в Армению, Грузию и Кыргызстан тех, кто имеет двойное гражданство или право на получение гражданства (из числа второго поколения мигрантов в Россию). Можно сказать, что хотя решения об отъезде были тесно связаны с внутри- и внешнеполитическими контекстами, разные люди встраивались в доступные им формы миграции и получения легального статуса в новом месте – например, переезд вместе с компанией или новая работа, релокация бизнеса, образовательная миграция, визы цифрового кочевника, поиск этнических корней, – и эти формы диктуют разные стратегии поведения мигрантов и возможности в принимающем сообществе. Возможно, это служит одной из причин гетерогенности российской миграции, которая отмечается, в частности, в представленных эссе этого блока.

На положение мигрантов влияет их роль (в каком статусе они прибыли в страну) и контекст принимающего государства, но также политика отправляющего государства. Пегги Левитт и Нина Глик Шиллер разделяют государства на три типа в зависимости от отношения к эмигрантам, и российский контекст ближе всего к странам, денонсирующим гражданство уезжающих или иным образом не заинтересованных в эмиграции (Levitt and Glick Schiller 2004:1003). Здесь уместно вспомнить высказывания российских чиновников о возможных санкциях по отношению к уехавшим, а также политику государственных компаний в отношении удаленной работы.

Какие теоретические подходы помогают понять текущую волну эмиграции с учетом ее гетерогенности? Исследовательская оптика транснационализма предполагает отказ от понимания миграции как однонаправленного процесса и перенос внимания на трансграничные процессы. Являясь скорее зонтичным подходом, нежели теорией в узком смысле слова, транснационализм включает разные аспекты жизни в отправляющем и принимающем сообществах – от легальных положений до принятых гендерных и семейных норм. Подход позволяет посмотреть на трансмигрантов не с точки зрения успешных или неуспешных членов нового

сообщества (как принято в интеграционных подходах) и не как на представителей этнической группы или страны, а описать их опыт «бытия мигрантами», жизни в нескольких мирах или между ними.

Этот подход полезен для понимания текущих процессов, однако, кажется, имеет некоторые ограничения для их описания. Для понимания миграции в оптике транснационализма важно, что акторы взаимодействуют с двойной системой координат и правил, а именно – отправляющего и принимающего сообщества (Абашин 2012; Бредникова 2021). Ольга Бредникова развивает эту мысль: «этих систем координат несколько, и мигранты вынуждены постоянно считать окружающие контексты и ситуации с тем, чтобы отвечать на их вызовы и вести себя в соответствии с их требованиями» (2021:76). Однако текущая волна миграции – например, на Южном Кавказе – практически не включает референциальные рамки «здесь». Можно искать причины явления в том, что обсуждаемая миграция отчасти вынужденная, когда уехавшие не хотят видеть новое место, потому что его не выбирали или еще не решили для себя, окончательно ли уехали.

Другое объяснение может быть связано с самим местом: миграция из бывшего центра к бывшим колониям и транзитное положение мигрантов, большинство из которых не планируют оставаться там, куда переехали, строят дальнейшие планы переезда (см. эссе Влады Барановой и Верены Подольской) или уже переехали, как респонденты в эссе Рапопорт, где под каждой цитатой из интервью стоят точки миграционного маршрута. Интересным направлением для будущих исследований будет сравнение массового отъезда россиян в 2022 году с разными формами транзитной миграции – например, с многочисленными перемещениями беженцев, задерживающихся в заведомо временных точках маршрута на годы, или с совсем иным случаем транзитной жизни цифровых кочевников и дауншифтеров, зимующих в Таиланде. Восприятие нового пространства как транзитного свойственно респондентам и на Южном Кавказе, и в Турции. Респонденты Рапопорт пользуются метафорой «*лимба*» – промежуточного места между жизнью и смертью, словно бы ненастоящим пространством. Это понятие используют для интерпретации новой волны эмиграции и другие исследователи – например, в исследовании рефлексии уехавших в публичных интервью СМИ и блогах (Prashizky 2023).

Несмотря на транзитное положение и неопределенность, новые эмигранты вовлекаются в создание локальности. Рассматривая важные черты локальности, Арджун Аппадурай отмечает, что для ее воссоздания происходят присвоения пространства, людей и обычаев, которые в свою очередь «колонируются» (Appadurai 2018). Наблюдения за жизнью сообщества показывают, как происходит пересборка «локальности» на основе присвоения или участия, например, через создание новых пространств, привнесение привычных горожанам практик активного взаимодействия с городской средой – субботников, сортировки мусора или стерилизации бездомных животных (эссе Барановой и Подольской). Эссе Любви Чернышевой обращается к вопросу о применимости к подобной миграции концепции «права на город» и показывает ее тесную связь с иерархиями между группами и идеями социальной справедливости, в которые хуже вписываются высокостатусные мигранты.

Небольшой блок из трех эссе не претендует на полноту описания новой миграции, но, скорее, обозначает возникающие вопросы и намечает темы, важные для будущих исследований. Все три текста так или иначе обращаются к вопросам идентичности мигрантов, в том числе через вопрос об именовании текущей волны миграции. В частности, Чернышева рассматривает разные категоризации («туристы», «цифровые номады», «мигранты») как возможные оптики, дающие или не дающие группе право на город. Эти внешние рамки – со стороны исследователей и принимающего сообщества – задают систему отношений и иерархий, в которых воспринимаются переехавшие россияне. Не менее важен и вопрос самооценки группы – номинации, отражающие идентичность мигрантов (см. эссе Рапопорт и Барановой и Подольской).

Как упоминалось выше, представленные эссе показывают гетерогенность мигрантского сообщества, подчеркивая разнообразие как индивидов, так и текущих социальных ролей или дискурсов одного человека. Вместо попыток найти определение, описывающее группу целиком, Чернышева предлагает обратить внимание на различия и их ситуативность. Баранова и Подольская же обращаются к проявлениям идентичности через дискурс (описание отъезда и планов на будущее), а также к практикам гражданского участия в новой стране.

Все эссе написаны по данным полевой работы, проведенной в 2022 году, то есть сразу после начала масштабной эмиграции. В силу этого они отражают первый этап массовой эмиграции: объяснения решения о переезде, в котором часто не до конца уверены сами респонденты, эмоциональное восприятие отъезда и нового пространства – словом, речь идет о контексте того, что Рапопорт называет «шоковой волной» эмиграции. Эти эссе – своего рода моментальная фиксация начального этапа продолжающегося процесса. Фактическое положение, в частности количество эмигрантов, может кардинально измениться, и уже отчасти меняется: например, сегодня наметился отток россиян из Турции, Казахстана и Грузии. В миграционных путях респондентов Рапопорт последней точкой обычно стоит какая-то из стран Глобального Севера. Через некоторое время будут видны реальные долгосрочные эффекты продолжающейся миграции для принимающих и отправляющего сообществ. Предлагаемые же вниманию читателей опыты описания миграционных процессов дают возможность увидеть, как формируются новые группы и их границы, а также заново взглянуть на некоторые исследовательские концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин, Сергей. 2012. «Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм». *Этнографическое обозрение* 4:3–13.
- Бредникова, Ольга. 2021. «“Живу, постоянно оглядываясь”: Doing Everyday Transnationalism». С. 71–103 в *«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность*, под ред. Сергея Абашина и Ольги Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение.
- Exodus-22. 2023. «Массовый отъезд россиян из страны в условиях войны и мобилизации: обзорная аналитика двух волн военной эмиграции». Пресс-релиз, 7 марта. <https://exodus22team.wordpress.com/2023/03/07/pressrelease-rus/>.
- Левада-Центр. 2023. «Эмиграционные настроения и отношение к уехавшим из России». 7 марта. <https://www.levada.ru/2023/03/07/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uehavshim-iz-rossii/>.

- Тинчурин, Артем, Татьяна Берлина, Елизавета Язневич и Дарина Рогацкина. 2021. «Эмиграция 2000-х: куда и почему уезжали из России». Если быть точным, 5 октября. <https://tochno.st/materials/emigratsiya-2000-kh>.
- Ширманова, Ирина. 2023. «800 тысяч россиян могли покинуть страну в 2022 году». Если быть точным, 27 февраля. <https://tochno.st/materials/rossiyan-mogli-pokinut-stranu-v-2022-godu>.
- Appadurai, Arjun. 2018. "The Production of Locality." Pp. 107–116 in *Sociology of Globalization: Cultures, Economies, and Politics*, edited by Keri E. Iyall Smith. Boulder, CO: Routledge.
- Bessudnov, Alexey, and Andrey Shcherbak. 2020. "Ethnic Discrimination in Multi-Ethnic Societies: Evidence from Russia." *European Sociological Review* 36(1):104–120. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz045>.
- Biagioli, Mario, and Vincent Antonin Lépinay, eds. 2019. *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Durham, NC: Duke University Press.
- Fomina, Joanna. 2021. *Political Dissent and Democratic Remittances: The Activities of Russian Migrants in Europe*. Abingdon, UK: Routledge.
- Kamalov, Emil, Veronika Kostenko, Ivetta Sergeeva, and Margarita Zavadsкая. 2023. *New Russian Migrants against the War: Political Action in Russia and Abroad*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. <https://library.fes.de/pdf-files/international/20458.pdf>.
- Levitt, Peggy, and Nina Glick Schiller. 2004. "Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society." *International Migration Review* 38(3):1002–1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>.
- Prashizky, Anna. 2023. "Living in Limbo': Digital Narratives of Migrants Fleeing Russia after the Russian Invasion of Ukraine." *First Monday* 28(6). <https://doi.org/10.5210/fm.v28i6.13174>.